ИВАН ОБРАЗЦОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕДЛЕННЫХ ЛИСТЬЕВ

Стихотворения

Барнаул 2013

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
О-232

Редактор Валерий Котеленец
Иллюстрации Евгении Октябрь

Автор благодарит
Суманосова Виктора Александровича
за помощь в издании настоящего сборника.

Образцов И.Ю.
О-232 Жизнь замедленных листьев.
Стихотворения. – Барнаул, 2013 г. – с. 64.

ISBN 978-5-904061-51-7

© И.Ю. Образцов, 2013

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕДЛЕННЫХ ЛИСТЬЕВ

Уносит ветер дым, так нарочито плавно,
уносит облакам жару и листопад.
Уносит ветер дым и близятся туманы,
а на двадцатый день стучит по крышам град.
Уносит ветер дым и, вроде бы, банально
сказать, что дом мой пуст, что ветер одинок,
но ты придёшь ко мне стройна и гениальна,
не «между» будешь – будешь выше строк.
И если этот свет над светом электричеств,
как древняя свеча и как живой огонь
прокатится, то я – сгребу свою наличность...
Уносит ветер дым, летит по небу конь...
Мне скажут друг и враг: останься с нами
рядом,
мне скажут друг и враг: останешься один.
Но катится огонь горячим листопадом –
летит по небу конь, уносит ветер дым...

***

1

И этот звон погасших песен,
моих бесчисленных чудес,
возьми себе – я был бесчестен,
но я не лгал, и, наконец,
возьми все правды – я рискую,
да всё же помню (как сейчас),
как розу красную живую
снимали с грядки напоказ,
как наступило лихолетье,
а я кричал: побудь со мной,
хоть на всю жизнь, хоть на мгновенье,
чтоб мне не слиться с пустотой,
чтоб мне простились эти песни,
чтоб ты осталась, но не я,
когда возьмут меня за лесом
и понесут через поля,
и через все реинкарнации –
травы, деревьев и зверей,
чтоб я не знал цивилизации
и не бродил среди людей.
А ты, которая живая,
та, что мне пела и была,
останься, только я не знаю -
зачем слова?

2

Вся эта правда чёрной ночи
меня терзает и уже
глядят внимательные очи,
бьёт сердце в грудь, на рубеже,
а я всё двери открываю
больным словам – моя беда,
моя, слетевшая из рая,
ты стала утренней, Звезда –
останься здесь – ты им нужнее,
пусть заберут мои слова –
светлеет горизонт, светлеет,
и под ногами мурава-
трава синеет – скоро утро,
где хорошо на свете жить
и петь, и говорить,
и есть молчания минута.

***

Вот после дождя я вернусь, обязательно,
светлый и тихий,
и детское сердце моё будет радо
любому из вас,
и рыжее солнце зароется в цвет облепихи…
Всё будет – сейчас.
Вот так будет греть и смеяться, упав на ладони,
оранжевый луч, а вдали
загудит пароход-контрабас,
и станут стрижи упиваться небесной погоней…
Всё будет – сейчас.
Вот счастье, которое жадно, прекрасно,
большими глотками
я петь буду, пить буду, так, чтобы слёзы
из глаз,
но не удержать ни словами, ни чьими руками –
мгновенье – сейчас.

***

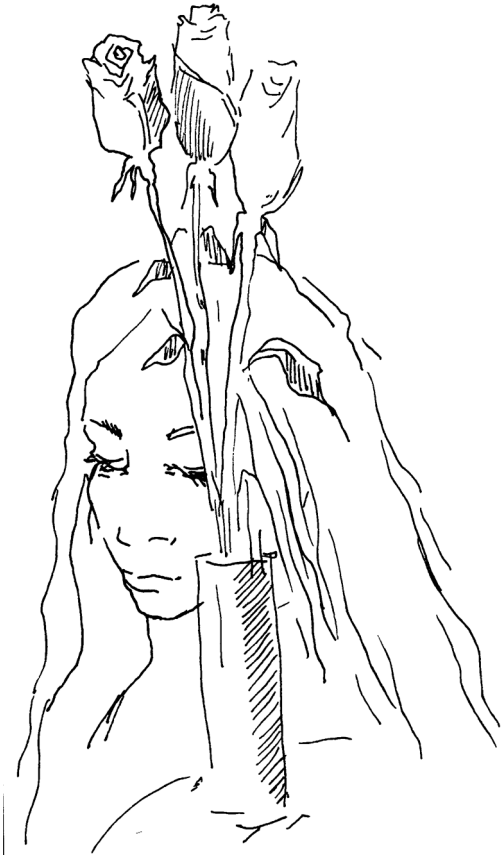
И есть до рассвета проложенный звук,
что не дешевизна и не обворован.
Что было сильнее их жалких потуг,
то не понимали пустые вороны.

И то, что есть ты, и сейчас – только ты,
и падают зимние звёзды на свечи,
и я, замирая, смотрю на кресты
оконные. Шея и руки, и плечи.

Как ты изгибалась, и падали вниз
горячие капли белейшего воска.
Как ты проливалась на глади страниц –
молитва и исповедь, жарко и жёстко.

Живу – ты в безумье моё посмотри,
в мои бесконечные водность и холод –
мой неутолимый, мой жизненный голод
терзает меня изнутри.

Они – посторонние, злые, чужие,
их мелочность склок и тупая молва.
Они никогда не узнают о мире,
где ты оправдала их тем, что жива.



***

И эти белые цветы
на камни чёрные упали.
Я знал, что солганная ты
на два мгновенья от печали
остановилась. Будет дождь
и будет снег, и снова – будет.
Нет, век нас точно не забудет,
но дождь и снег
убьют последние черты,
мы станем вдруг доступны, сразу,
но ты, не побоюсь, но ты,
ты не закончишь, как-то разом
исчезнешь, сгинешь, уплывёшь.
Что до людей мне, если в Лету
ты канешь, больше не спасёшь
и не пришлёшь своих приветов.
Да, я такой же, как и все,
другие, те, что были ране,
меня по утренней росе
всего лишь только солнце ранит,
и снег и дождь меня неймут,
меня тревожат и тиранят,
и ничего не отдадут,
не скажут правды, не поймут
и слов моих не разбирают.
Я жду, я жду тебя везде,
я жду тебя на самом деле –

и если суждено звезде
гореть и плавиться в себе,
и отражаться на воде,
то я уйду в конце недели,
и это будет – воскресенье.

***

Как плачет осенним тополем
любовь моя всхлипом, всплеском,
и крона её растрёпана –
поражена небесным,
синим небесным цветом –
как будто раньше не видела,
как будто бы раньше не было
яркой звезды в зените.
Я, может быть, и не встал бы,
и не услышал бы всхлипов,
но ветер стучался в ставни,
распахивал их со скрипом.
Любовь моя, выше сил
мне биться – я где-то сбился,
я всех пожалел, простил,
себя же – не научился.

Как плачет осенним тополем
любовь моя всхлипом, всплеском,
и крона её растрёпана
чем-то уже небесным.

МОГИЛА ТРЕВОЖНОГО СЕРДЦА

Я оставался без тебя,
я не писал, а лишь смотрел в листок бумаги,
ведь что мои слова –
короткий всплеск, от неба быстрый звук,
а в небе как всегда так много синевы и влаги,
замёрзших вдруг.
Да я и сам почти не ощущаю
ни холода, ни зла, и только сверху вниз
я всё смотрю в обугленные стаи
моих страниц.
И листья одинокие последних дней осенних
летят, летят на снег,
на самый первый снег.
ты видишь ли меня, издалека, рассеянно,
что я не человек.
И мне не тяжело,
мне только очень странно
смотреть на этот лёд нечеловечьих рук,
я жив, я жив ещё, но весь укрыт туманом
и только стук.
Короткий стук часов
и сердца стук короткий,
и ритм коротких дней, и слов короткий ритм –
как замечательно, как плавно, как неловко
мой лёд горит.

Я оставался без тебя –
ты лучше, ты светлее,
светлее всех стихов моих и не моих,
и если я когда-нибудь посмею,
то расскажу, что и любил, и верил
за нас двоих.

КОТЫ

Нас покидают коты –
они уходят в весну,
не говоря ни слова,
даже не оглянувшись.
И мы сидим вечерами
возле раскрытых окон
и слушаем крики котов,
летящие к облакам.
Нас покидают коты –
к ним весна беспощадна,
весна забирает котов –
не все вернутся домой.
А потому печально
летят их крики по небу,
словно прощальное эхо
это тягучее «мяу-у-у…»

***

Узоры фиолетового неба
сплетали кольца, плакали и спали.
Какая жизнь у края – это нега,
которую проклятой называли.
И на костре горели наши вздохи –
я был не здесь, а ты была – повсюду.
Не ангелы, не демоны, не боги –
глаза и губы, радостно и грубо.
И, руки разжимая, задыхались –
нет ничего, лишь ночь сидит под дверью.
Ты мне сказала: я тебя не знаю,
а я ответил: я тебе не верю.

***

Прости, прости,
а я не злюсь и плакать не умею,
но что же ты,
зачем вот так со мной?!
Да, я и сам с собой творю такое,
что не дай боже выдержать кому.
Прости, прости,
за каждым поворотом
судьбы моей
ты руки раскрывала,
но не навстречу мне – навстречу ветру,
а ветра – мало.
Но нет меня, я умер (ты сказала),
сказала, что привыкла к этой смерти,
как будто бы я умер, не воскрес
на снежной тверди.
И ты сказала: «Милый, дорогой,
твой пламенный, горящий лёд –
он обжигает, он совсем другой,
не тот, что тает».
Прости, прости,
я здесь искал чудес – тебя нашёл,
а лёд ожить не может,
всё потому, что мой камзол
старинный на ветру не греет тоже.

Я глуп и бесполезен синеве –
ты любишь, ненавидишь и смеёшься,
а тот, другой, он тёплый, он тебе
так человечно вытирает слёзы.
Пусть он простит, надеюсь, что простит,
пусть он меня нисколько не осудит,
ведь всё же холодеющий гранит
теплее судеб.
Я честно пробовал,
но не могу убить
себя, любовь, твои глаза ночные,
какие ж это страсти роковые,
когда в петлю залезть мешает прыть
горячего и ледяного сердца –
лежал в снегу, а выросла трава.
Простите за обветренность и резкость,
и за мои – ничьи – колокола.
Простите меня оба, если можно
прощения просить в моём бреду,
но знайте, там, где тихо и тревожно,
я вас прикрою,
я вас проведу…

СОБЫТИЕ ПОДАТЛИВОСТИ

Я ломаю слоистые скалы –
Этот омут осенний и тихий.
Ты тогда ничего не сказала,
Даже если б я был слишком дикий.
И корёжит, и жёстко тревожит
Это странное чувство заботы.
Обнимать дотемна – невозможно,
Потому что все скалы – свободны.
Ты струишься оранжевым током –
Тополиные листья в ладонях.
Эта осень и эта жестокость
Изольются в измученном стоне.
Из-за скал поднимается ветер –
Он тихонько накроет прохладой…
Самым главным секретом на свете
(Хлещут небо древесные плети!)
Ты осталась. Разгадки не надо.

12
1
2
3
7
8
9
10
11

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Когда была ты маленькой и белой,
Когда была ты бесконечно юной,
Я брал тебя на руки и баюкал,
И песни колыбельные слагал.
Ты тихо спишь, луна горит в полнеба,
И время шелестит в часах подлунных,
И по земле крадутся мягко звуки –
Луна, луна струится по рукам.
Не бойся, спи, я буду тихо гладить,
Касаться твоих тёплых плавных линий.
Любовь моя, и в этом странном мире
Ты – маленькая девочка – и я,
И время шелестит в часах подлунных.
Не бойся, спи, ты будешь вечно юной,
И тянет время призрачные струны,
Звеня…

***

А когда мы вернёмся домой,
а когда мы с тобой замолчим –
всё что важным окажется – только столбы,
только вехи стихотворений.
Это вечное небо стрижей
развернётся над головой,
это небо помашет нам синим платком
в самый солнечный день воскресенья.
А когда мы вернёмся домой,
и неважно будет, кто прав
в нашей вечной любви –
беспокойной, последней, безгрешной,
ты уснёшь в одинокой траве,
ты уснёшь у меня на руках –
это будет не смерть – только сон
безвозвратный и нежный.
А когда мы вернёмся с тобой
в этот солнечный яростный день,
где крылатые бабочки,
как лебединые стаи,
всё окажется просто игрой,
слишком страшной и детской игрой,
только будет неясно,
а кто же играл вместе с нами?

***

Вот снег, первый снег - двадцатое октября
И пятна земли, и вечно зелёные стебли осоки,
А я не любил проводить в своей школьной
тетради поля.
Я был слишком длинный, а мама сказала –
высокий.
И вот, я торчу из-под снега, из чёрной земли,
Торчу на полях, слишком вечнозелёный
и длинный,
А мама моя и какие-то люди чужие под снег
полегли,
И мне это так всё по-детски обидно, обидно.
И вечером, дома, уткнувшись в родное плечо,
Твержу про себя: Моя светлая, в этой тревоге
Меня не оставь и не пожалей ни о чём,
Скажи, что я вовсе не длинный, а твой
и высокий.

***

Да, дорогая, я красив настолько,
насколько ты не представляешь даже.
И распуская голос свой, однажды
я выпущу тебя из рук
и долго буду падать
во всё то небо, в облака и звёзды.
Как будет поздно, как сейчас всё просто,
здесь жить и становиться выше ростом.
А если снегом падать, то, конечно, в руки,
и таять на руках твоих,
и превращаться в звуки
стихотворений...
Ты дальше – белошвейка, стрекоза,
пришедшая с мороза.
Ты ужинаешь дома – розовая, взрослая,
и о тебе я многое могу сказать,
и, слава богу, слов моих мне точно хватит,
ведь я же атеист, что тоже – слава Богу.
Но не спасут стихи от смерти никого,
ни тех, кто в это верит,
и ни тех, кто в это всё не верит.
Да и вообще – ТАМ от стихов нет проку.
Я в дверь звоню, ты открываешь дверь
и говоришь: «Как ты красив с мороза!».
Спасибо, дорогая.

Я прохожу, я распускаю
морозный голос свой
и падаю к тебе,
во всё то небо, в облака и звёзды,
пришедшие с мороза самой поздней
зимой.

***

И от Малой Олонской рукою подать до Речного,
где ныряют под мост катера по-осеннему
плавно.
Но я больше не новый – я их провожаю
без слова,
и без жеста я их провожаю в речные туманы.
А ведь, правда, что там остаётся, на глади
свинцовой,
кроме следа осеннего, кроме осадка разлуки?
А на Малой Олонской уже не осталось
знакомых –
и я еду в автобусе, грея дыханием руки.
И я грею дыханием эти застывшие звуки.
И я ПЕРЕчисляю запутанных судеб смятенье.
Тополя у Речного, киоски, бутылки, окурки –
вот и всё, что осталось в следах и осадках
осенних.
И от Малой Олонской рукою подать до Речного,
где ныряют под мост катера по-осеннему
плавно –
а я больше не новый – другой, но, конечно,
не новый –
и осеннее солнце встаёт и плывёт
над туманом.

***

Когда чуть-чуть останется до дна,
и вдруг я стану слишком крайним,
меня укроет пелена
и спрячет руки в покрывале,
тогда солгать не станет сил,
и белой песней лебединой –
пронзительной – звенящей – длинной –
над рыжей ломкостью осин
я расскажу, что только ты,
ты есть на этом белом свете.
Вот – авторучка и цветы,
вот – золотистый тёплый ветер,
но ты – пронзительно жива –
а я тебя губил и ранил,
и посвящал в своём романе
тебе слова... одни слова...

***

Только ты или я – здесь останется это
не важным,
и река утекает с листа – я её рисовал.
Ты поёшь так, о, Господи, так лебедино.
Мне страшно
срифмовать твою песню, зелёных кузнечиков,
солнца овал
на воде, а ещё, стрекоза золотая сидит
на ладонях –
то есть, всё это «на», завершённо, снаружи,
извне.
Я тебя обхватил, взял в охапку и даже не понял,
что снаружи и я, как плывут лепестки по воде.
Лепестки облетающих медленно ивовых
листьев –
твоя песня, о, Господи, я рисовал этот звук,
потому что не мог передать, удержать,
перечислить,
потому что и ты ускользала из замкнутых рук.
Вот и ты уходила – прощалась, летела,
звенела,
а я просто смотрел на тебя, зажимая в руке
лебединые звуки, остатки воздушного тела,
лепестков, уплывающих медленно, вниз
по реке.

***

Храня тепло, рука летит.
И ночь – в преддверии побега.
А Вы меня не отпускаете.
И лилии на фоне скатерти
Белее утреннего снега.
Стекло, за инеем – шары
Набухли жёлтым, синим, красным,
Полёт материи атласной
И продолжение игры
«Я Вас люблю»…
В конце строки
Простите мне земную слабость:
Шары, цветные маяки,
Миры, сближения, усталость
и где-то слово «реализм»,
Да и вообще любое слово.
И бьются вьюги о карниз.
Ну что ж Вы плачете!
И снова –
Храня тепло, рука летит
И ждёт, хоть как-то там, ответа.
Стекло рождает новый вид,
Его молчание не злит
И чуть осталось до рассвета.
Летит не самолёт, но миг;

Стучит не маятник, но время.
Я ни к чему здесь не привык.
Мы рядом, близко, мы впритык.
Мы одиноки,
в самом деле.

***

Я не любил её тогда –
в ночах душистых.
Бросалась серая вода
на берег мшистый,
когда я пил в её глазах
свинец протоки,
когда речной поток слизал
слова и строки.
Возможно, Тютчеву Она
казалась феей,
а я же – ближе к холодам –
смотрел на север.
Взошла Полярная звезда,
а я на суше,
один, без лодки и весла –
почти разрушен.
Я не любил её тогда –
язычник бедный, –
бросалась серая вода
на тополь медный.

***

Очень много запутанных слов,
слишком часто отсутствие пауз.
И бессонница не от стихов – от истерии.
И прохладна с экрана любовь.
И тепло обязательных фраз –
это зимняя спячка, всеобщая эйфория...
Новый век и, конечно, зима
заметают мосты и дома,
телебашен гудящие копья.
И прямой забивают эфир,
навалившись на маленький мир,
между хлопьев летящие хлопья.

***

Не словом единым, а только руками,
а только ладонями к сердцу прижатыми,
а только обветренными губами
я проговариваю многократно
прощальное счастье – черешневым соком,
закатом малиновым. В упоенье
ты здесь мне махала платками осенними
моих тополей, облетавших до срока.
Забито фанерой, забыто, закрыто
окно на заброшенной старенькой даче
и плачет прозрачная тень у калитки –
поэт и мужчина – маленький мальчик.

***

Я здесь один,
ты тоже там – одна...
Прости, ведь я солгал,
сказав о вечности,
о страсти и любви –
всё это ни о чём не говорит,
а только мучает, ломает и тревожит.
В кровати,
даже слившись и обнявшись –
я здесь один,
ты тоже там одна...

***

Нет темноты, есть только пустота,
есть пропасть между мной
и чем-то большим,
и эта пустота страшней, чем смерть,
и горше....
Я так боюсь исчезнуть навсегда,
пропасть и сгинуть без следа, без звука.
Да, я родился в материнских муках,
но так боюсь исчезнуть без следа...
Смешно, и горек смех, и тесен мир –
физическая маленькая точка.
И пахнут радостью в апреле почки,
набухшие мучением земли.
Весна, весна,
и грязь не видно ночью –
один лишь запах сырости и ветер,
и хрупкая звезда на небе,
впрочем,
так робок свет, почти что незаметен...
А я хочу остаться чище,
пусть не весенним, пусть – холодным,
зимним,
пускай хотя бы странным зимним ливнем,
который знает правду о весне
и говорит на языке старинном...

***

Но отсюда не выйти, не вырваться, не убежать,
Я скажу тебе больше,
твоя шелковистая прядь –
Только повод сказать, рассказать
о рассыпанном снеге,
Фиолетовом снеге, хрустящем от наших
шагов,
Повторить, что искусство поэзии требует слов,
Запыхавшихся слов, задохнувшихся
в собственном беге.

Ну, а что же здесь ты? Оперевшись плечом о
косяк,
ты всё смотришь, всё смотришь, так грустно,
измученно, так,
словно я тебя звал, словно я тебя вырвал из
неги.

Но постой, подожди, задержись на проклятом
пороге.
Это требует слов – о любви, о разлуке,
о Боге,
о какой-то особой тревоге, на уровне снов,
разноцветных, озвученных снов,
одиноких, немногих.

А потом я проснусь, перестав проговаривать
вслух
Твою нежность, и прядь, и дрожание розовых
рук –
Я проснусь на рассыпанном, тёплом,
сверкающем снеге
Твоих шёлковых вьюг.

ФИЛОСОФИЯ ПОСЛЕДНЕГО ЧАЯ

Наливаю последний чай.
Лицо излучает радость.
В принципе, этот чай –
всё, что у меня осталось
на сегодняшний день.
Видимо, и на вечер.
Хотя, есть пятьдесят рублей,
но от них не легче,
потому что купишь пачку Петра
первого и Доширака,
и закончится радость –
придётся сидеть и плакать
или ходить угрюмым
и недовольным
жизнью, собой,
наличием в жизни боли
от потери денег
и, соответственно, от унижения,
от того, что холод бесплатен –
платишь за кипячение.
Так и живёшь в долг...

БАНАЛЬНО-НАИВНОЕ

Я не научил никого писать стихов,
я не научил никого говорить словами.
И даже хотел бы, то всё равно не смог,
а всё, что смог, только кого-нибудь ранить.
И это глупо, и все эти тра-ля-ля
меня самого уже ничему не учат,
и свита давно не делает короля,
а ящериц и жуков в подворотнях мучит.
Но если «из сора», то как же, то как же быть?
Но если из пыли, а если из князи в грязи?
Я вспоминаю о том, что могу любить –
тебя, глагольные рифмы, странные связи.
И сразу всё так непросто, и все слова
легко говорить и легко научиться слышать –
как матово в небе звенит по ночам луна,
как тихо скребутся под полом серые мыши…

РАЗЛАМЫВАЯ ЛЕД

И мутный образ сумрачного дня
теряется в последних отголосках –
я всё стою прямой, как луч, как сосны,
обветренный как камни, как земля,
но сердце точит червь – я сомневаюсь –
а стоило ли время изводить
на эту человеческую зависть,
на злую человеческую нить.
И, ангел мой, мне так невольно жутко
смотреть назад, и я смотрю наверх.
Но даже ТАМ – ночное время суток,
а я хотел сверкающих прорех,
а я хотел… да разве это важно…
сейчас и здесь кончаются стихи,
где жизнь моя безумна и сутяжна,
где в завтра заглянуть смешно и страшно,
где много рифм слепых и слов глухих.
И создавая спорные отрезки,
и разбивая мысли на столбцы,
банально и наивно, и по-детски,
и авторучкой трогая листы –
поэзия не требует предела,
как правда слишком многого не ждёт.
И если кто усядется за дело,
старинное, таинственное дело,
он человека всё-таки найдёт.

***

Ангел опустится на подоконник,
сядет и сложит крылья –
он и не знает, что спит терновник
в каждой пустой квартире,
а под терновником ждёт змея –
жадная-личная-злая!
Но разве об этой любви я
не от тебя знаю?

***

Вот так и мы, из года в год,
и всё ужасней, и немее
глядим и думаем вперёд,
и ни о чём не сожалеем,
пока беснуется огонь
или качаются метели,
и одинокий, сам не свой,
фонарь, как свет в конце недели.
И вот, открытый всем ветрам,
бредёт и длится двадцать первый –
прохладный век...

***

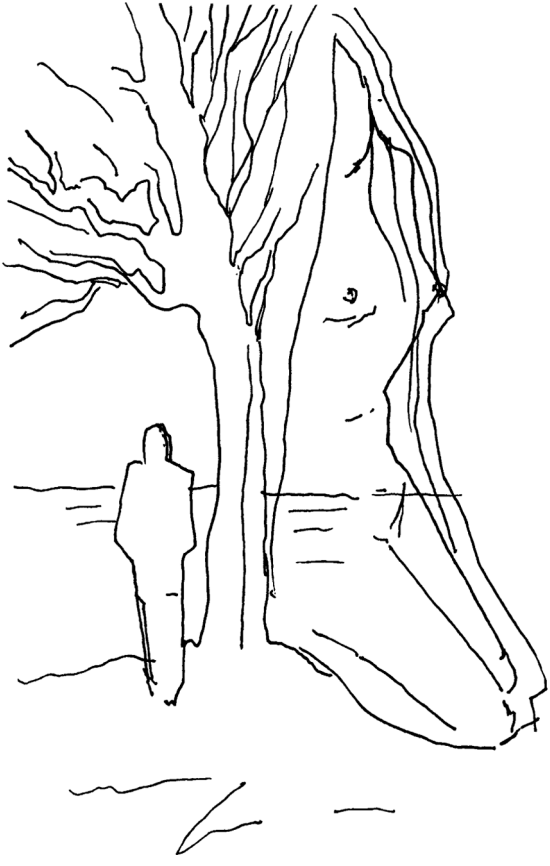
И даже если всё навеки тленно,
то жить осталось нам самозабвенно.
И разливает сонные лучи
из всех могил на маленькой планете,
из всех томов бросает пылью ветер,
и только солнце – солнце не молчит.
О, боже мой, она была права,
когда впервые мне проговорила:
я песня, я дрожащая струна,
о, как же это я всегда любила.
А я замёрз и думал: может, хватит,
беседовать приятней на кровати
и пить вдвоём какао с молоком.
Мы шли вдвоём, отдельно, но вдвоём,
ты – песня, я – старинное проклятье.
И даже если всё навеки тленно,
то жили мы с тобой самозабвенно.
Звенели разноцветные лучи.
И я сказал, и я тебе ответил:
пусть гонит ветер листья по планете,
ты только пой, ты только не молчи.

***

А что же я – сидеть и лгать?
Тогда – молчание дороже.
Когда мне время встанет вспять,
что я найду в пыли дорожной?
Следы, монеты и ключи –
оставленное и потери...
Молчи, молчи, молчи, молчи –
как ад – распахнутые двери,
а там – январь, клубится пыль
в морозном ветре снеговая.
Остановились и застыли,
и ждём прощаний.
Поэзия – не скраб для лиц,
а я – молчу и холодею.
Мне – с высоты – не страшно вниз,
как в откровенье.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ

«Миленький ты мой, какая скука.
Миленький ты мой, тоска какая...»
Голос глух от собственного звука.
Звуков я совсем не различаю.
Белый кот так тихо-тихо ходит
в темноте пустого коридора.
Есть законы физики в природе.
Белый кот не знает о законах.
Со стены японская принцесса
от безделья пялится в компьютер.
Это всё, конечно, интересно.
Засыпаю.
Скоро будет утро...



***

Солнце поднимется, будет петь,
дети на улицы выйдут,
будут играть в синеве, а мне
быть дождями размытым.
С дальних полей прилетит ветер,
люди с косами выйдут
резать синие травы, а мне
быть дождями размытым.
Девочка с солнечной головой,
васильками подол вышит,
скажет: смотрите, он, как живой,
он переполнен синей водой,
он словно дождь дышит.

СТРОФЫ

Ты и тогда, за стёклами, сохранна,
но только вздох, но только взмах руки
смеются мне в ответ за всю отраву,
которая дарована любви,
а если снег на самых дальних крышах
осыплется и я умру весной,
тогда тебя я точно не услышу,
тогда тебя я не возьму с собой.
Но только что ж мне мучаясь вжиматься
горячим лбом в узоры на стекле,
когда в жаре, в безумии акаций
я всё же тот, кто тянется к тебе.
Мне не достать до самого предела –
предела нет – ведь только и всего,
что я любил, а ты — любви хотела –
прости меня, спасибо, тяжело.
И весь мой дар, и это злое счастье –
зачем оно, когда всегда в ответ
мне ничего не нужно в этой власти,
меня убили,
больше меня нет…

***

И, знаешь, этот голос твой, такой звенящий,
почти ненастоящий, но живой,
твой голос наложить на голос мой,
какого цвета станет он на этом свете,
и как не захлебнуться этим цветом?
А быть твоим мужчиной и поэтом,
сейчас или когда-нибудь –
как оправдание и как заглавный повод.
Я говорю – молчат предметы:
стол, холодильник, чайник разогретый
и тонкий, чёрный телефонный провод.

Я не перестаю к тебе ходить на чай,
а ты сидишь на подоконнике, у края, у окна.
Мне важно быть и пить зелёный чай,
и различать тебя, но ты едва видна.
Едва, едва... Заполнить и закрасить
все клетки в тишине и пустоте.
И я тогда подумал, что пора нам слазить –
мне с тишины, и с подоконника – тебе.
Пора шагнуть от края, от границы.
И я шагнул, и ты шагнула – в пропасть.
И разлетелись птицы, бабочки, ресницы.
И голос...

И если я тебя с собой не заберу,
то только потому, что этой ночью
я умер, в общем, между прочим,
и больше не умру.

***

И если бьётся яростно в груди, не уставая,
похожее на птиц, на поезда, на время,
то этой крови, этого тепла,
то этой нитевидной трели,
то света этого достаточно, вполне.
А что там устаёт, так это только голос,
и руки устают, и плечи.
Не смейте говорить, что время лечит
на этой, всё же радостной, земле.

И потому, я, так же как и все,
дышу, с тобой в автобусах катаюсь.
Ну, а когда растаю, переплавлюсь,
в какой-нибудь воде, траве, росе,
то, всё равно, вот здесь останусь жить
со всей своей судьбой и правдой.
И даже если буду знать, что никому не надо
ни этой правды и ни этих птиц,
то кто мне запретит здесь быть, водой,
хотя бы,
или расти травой и падать сверху вниз.

И я дышу, по-взрослому, до дна, серьёзно,
как никогда не падал, не дышал.
И я вдыхаю этот тонкий воздух,

закатный воздух, звонкий, как металл.
И говорю, о чём здесь говорить
совсем не стоит,
особенно всем тем,
кому и без того комфортно и тепло.
А что меня здесь держит,
кроме света, кроме жаркой крови –
да больше ничего.
Да. Больше ничего.

***

Там, где возле реки, шелестя, наклоняются
ивы,
Где тебя больше нет – насовсем, навсегда –
Там вода, там река, там летят над рекой
херувимы –
Утекают их песни – слова как речная вода.
Почему же так страшно мне это речное
журчанье
(этих маленьких ангелов песни никто
не возьмёт),
Потому что в стихах после слов остаётся
молчаньем,
Слишком страшным молчаньем –
Речным бесконечным журчаньем:
Всё пройдёт, да и это, конечно же, тоже
пройдёт.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь замедленных листьев 5
«И этот звон погасших песен...» 6
Вся эта правда чёрной ночи...» 7
«Вот после дождя я вернусь, обязательно...» 8
«И есть до рассвета проложенный звук...» 9
«И эти белые цветы...» 11
«Как плачет осенним тополем...» 13
Могила тревожного сердца 14
Коты 17
«Узоры фиолетового неба...» 18
«Прости, прости...» 19
Событие податливости 21
Колыбельная 23
«А когда мы вернёмся домой...» 24
«Вот снег, первый снег – двадцатое октября...» 25
«Да, дорогая, я красив настолько...» 26
«И от Малой Олонской рукою подать
до Речного...» 29
«Когда чуть-чуть останется до дна...» 30
«Только ты или я – здесь останется это
не важным...» 31
«Храня тепло, рука летит...» 32
«Я не любил её тогда...» 35
«Очень много запутанных слов...» 36
«Не словом единым, а только руками...» 37
«Я здесь один...» 38
«Нет темноты, есть только пустота...» 39
«Но отсюда не выйти, не вырваться,
не убежать...» 41
Философия последнего чая 43

Банально-наивное 44
Разламывая лёд 45
«Ангел опустится на подоконник...» 47
«Вот так и мы, из года в год...» 48
«И даже если всё навеки тленно...» 49
«А что же я – сидеть и лгать?..» 50
Двойственность 51
«Солнце поднимется, будет петь...» 53
Строфы 54
«И, знаешь, этот голос твой, такой звенящий...» ... 55
«И если бьётся яростно в груди, не уставая...» 57
«Там, где возле реки, шелестя, наклоняются
ивы...» 59

Иван Юрьевич Образцов
ЖИЗНЬ ЗАМЕДЛЕННЫХ ЛИСТЬЕВ

Оформление и верстка В. Котеленца

Сдано в набор 05.08.2013 г.
Подписано в печать 02.09.2013 г.
Формат 60x84/32. Гарнитура Pragmatica KMM.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ.л. 2,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № 0000.

Отпечатано в типографии “Спектр”,
г.Барнаул, ул.Короленко, 75,
тел. (3852) 229-756, E-mail: Spektr315@mail.ru.